

СКОРИНА А. КУРЕЙЧИКА

В творчестве Андрея Курейчика 2000–2010-х гг. усиливается внимание к судьбе белорусского этноса и фигурам его просветителей и идеологов, отстаивавших идеи национальной самобытности, независимости, равноправия среди других народов. Первое место в этом ряду занимает Франциск Скорина, приобщивший белорусов к книгопечатанию. Изданием в начале XVI в. Библии (22 ч.), «Апостола», «Малой подорожной книжицы» на белорусском языке (со своими предисловиями, комментариями, примечаниями) он не только содействовал распространению в Беларуси просвещения, но и способствовал укреплению национального самосознания. Поэтому Ф. Скорина стал главным культурным героем белорусов и за минувшие века успел превратиться в миф, тем более что известно о нём мало — его фигуру обволакивает биографический туман, порождающий множество непрояснённых вопросов. Это затрудняло работу А. Курейчика над пьесой «Скорина» (2005), но одновременно давало простор для воображения. Белорусскоязычные драматурги М. Адамчик и М. Климович в пьесе «Vita Brevis, или Штаны святого Георгия» (1993) пошли по пути деканонизации канонизированного образа Ф. Скорины, внедрённого в массовое сознание, и даже в заглавие произведения ввели его настоящее имя — всё это ради того, чтобы «оживить» замечательного человека, превращённого в стёртую (от бесконечного прикладывания с поцелуями) икону. А. Курейчик отчасти продолжает данную линию и тоже не делает из Ф. Скорины святого: он способен увлекаться женщинами, попивать в минуты безнадёжности; в его облике есть элементы комического. Однако доминирует у А. Курейчика драматическое, лишь смягчаемое юмором и преломляющее особенности интерпретации скорининской судьбы. Выдающийся деятель белорусской культуры предстаёт в пьесе как человек, при жизни на родине не признанный, подвергавшийся гонениям, вынужденный в конце концов эмигрировать. Основание для такой трактовки даёт необъяснимый, казалось бы, отъезд (у А. Курейчика более похожий на бегство) Ф. Скорины из Вильни, где на средства виленского городского самоуправления он открыл в 1522 г. типографию, печатал книги на белорусском языке, и странное возвращение просветителя в Прагу, где он начинал свою книгоиздательскую деятельность, но где его никто не ждал, и он вынужден был занять скромное место королевского садовника, никак не соответствовавшее ни его учёности, ни масштабам личности в целом. Другими словами, в Чехию Ф. Скорина уехал не потому, что ему было предложено нечто лучшее, а, возможно, спасая свою жизнь. Отторжение отечеством и даже преследование призванных составить гордость нации (знает знакомый

с белорусской историей) — достаточно характерное для Беларуси явление. Доныне в этом отношении ничего, по большому счёту, не изменилось: самые последовательные сторонники национального возрождения оказываются «за дверью». А Курейчик целенаправленно стремится вызвать соответствующие параллели, и историко-биографический принцип изображения личности Ф. Скорины подчинён у него использованию образа Скорины-персонажа в качестве литературной маски самого драматурга. «Это взгляд современника на современника, хоть и через призму неких исторических реалий», — подтверждает А. Курейчик [1, с. 362]. Сближению истории и современности служит «обнажение приёма» в одной из частей пьесы, когда, отказываясь от стилизации языка XVI в., автор переходит на современный русский язык и воссоздаёт сцену погрома виленской типографии Ф. Скорины:

«2-й. Накуролесили, теперь будем разбираться. Вам же сразу сказали: типография — объект для державы стратегический... И контролировать его должны государственные люди.

Милош. Пошли вон, собаки...

1-й. Он ещё огрызается, сученок.

2-й. Давай его сюда... (*Милоша кладут на станок, руку засовывают под пресс.*) Будешь знать, как спорить с правоохранительными органами... Как тебе такая книга? (*Сдавливают руку, Милош кричит.*)

1-й. Запомни, тварь, на этой земле нет ничего твоего. Ничего! Будете делать, что скажут. И тогда, может быть... Может быть, вас оставят в живых...» [1, с. 48].

А. Курейчик, впрочем, в сноске указывает, что при постановке пьесы слова могут быть заменены и на старинные либо ещё более актуализированы — кто на что решится.

Вносимые в произведение вольности оправданы и замыслом А. Курейчика, и тем обстоятельством, что многие факты биографии Ф. Скорины неизвестны, и автор моделирует вполне вероятное. Опирается он, естественно, на скудные сведения о жизни Ф. Скорины, дошедшие до нас, и мотивирует это воспоминаниями героя, перебивающими основную сюжетную линию.

Состарившийся Скорина, проживающий в Праге, показан надломленным тяжкими испытаниями и хворьями, по внешней видимости ничего не добившимся в жизни. Ему горько сознавать, что знания, просветительский порыв, книгоиздательское подвижничество оказались не нужны родине, и она по-прежнему «безъязыка». Но даже теряющий зрение Скорина пытается продолжать свои переводы, сочинять «прадмовы» к книгам, которые хотел бы издать. Без заказа, без оплаты, движимый внутренней потребностью нести белорусам Божье слово. Звучит такой монолог: «...Магда говорит, что это бесполезно. Бесполезно, хм. Ничего в этом мире не бесполезно. Научить Христа, апостолов и учеников его говорить на другом языке... Иначе заповеди не действуют. Они не понимают, что свет истины начинается с самого,

самого родного...» [1, с. 20]. Божье слово у Скорины неотделимо от родного языка, которому он, в свою очередь, хочет придать божественный статус, сделать языком правды и гуманизма.

Себя Скорина-персонаж называет литвином. Тем самым А. Курейчик напоминает о вхождении Беларуси в XIV — XVI столетиях в состав Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а именно здесь и в это время осуществлялся процесс формирования белорусской народности. Но просветитель отделяет себя от несправедливой власти и, когда в Прагу является литвинский дворянин Ян Подвицкий, обещающий молочные реки и кисельные берега, если Скорина вернется и будет служить правящей верхушке, отвечает отказом. Герой не может допустить, чтобы его авторитетом освящалось бесчинство и разжигание национальной вражды.

Переплетение сюжетных нитей в пьесе ведёт к нарастанию всё большего драматизма, и в финале Скорина остаётся совершенно один. В последней из своих статей он взывает к утверждению Божественного закона в отношениях государства со своими гражданами, каковыми должны быть любовь и милосердие, а не жестокость и насилие, и оплакивает своё несчастное отечество.

Заветы Скорины не утрачивают своей актуальности — никто на родине не должен быть лишним, преследуемым, травимым, и без свободы быть самим собой национальное возрождение так и останется благим пожеланием. Устами героя в этих случаях говорит сам автор. И посвящение пьесы «центральному проспекту Минска» — форма протеста против отнятия у него имени Ф. Скорины (сигнализовавшего о «сворачивании» начавшейся после 1991 г. белорусизации), так как путь Ф. Скорины остаётся для Беларуси магистральным.

Литература

1. Курейчик, А. Скорина: Избранные пьесы / А. Курейчик. — Минск: ООО «Мэджик Бук», Изд. Вараксин А. Н., 2006.